Дата поступления рукописи в редакцию: 04.10.2026 г. DOI: 10.24412/2224-9133-2026-10-319-325
Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2026 г.

КИСЕЛЕВА Анастасия Владимировна,
преподаватель кафедры специальных дисциплин Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, майор полиции,
e-mail: kiss.a.88@yandex.ru.

МОВСИСЯН Анна Галиевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Ростовского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: anet2107@yandex.ru.

НАГОРНЫЙ Александр Петрович,
старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, подполковник полиции,
e-mail: v.shanko@mail.ru.

ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ И ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ

Аннотация. *Исследуется соотношение уголовно-правовых норм о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, и ответственности сотрудника полиции за превышение должностных полномочий. Анализируются ст. 38, 108, 114 и 286 УК РФ, Федеральный закон «О полиции» и актуальная редакция разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Обосновывается необходимость разграничивать три ситуации: правомерное причинение вреда; превышение мер, необходимых для задержания, при сохранении специальной цели задержания; применение насилия вне правомерной задержательной цели, способное образовывать должностное преступление. Предлагается авторский функционально-целевой тест квалификации, позволяющий определить приоритет специальных составов статей 108 и 114 УК РФ либо статьи 286 УК РФ.*

Ключевые слова: *задержание, причинение вреда, сотрудник полиции, статья 38 УК РФ, превышение мер задержания, превышение должностных полномочий, физическая сила, специальные средства, уголовно-правовая квалификация.*

Для цитирования: *Киселева А. В., Мовсисян А. Г., Нагорный А. П. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление: проблемы разграничения правомерных действий сотрудника полиции и превышения должностных полномочий // Право и управление. 2026. № 10. С. 319–325.*

KISELEVA Anastasia Vladimirovna,
Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major

MOVSISYAN Anna Galievna,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science of the Rostov Institute (branch) of VSUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

NAGORNY Alexander Petrovich,
Senior Lecturer in the Department of Specialized Disciplines at the Crimean Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Lieutenant Colonel

INFLICTING HARM WHEN DETAINING A PERSON WHO COMMITTED A CRIME: DISTINGUISHING LAWFUL POLICE ACTIONS FROM EXCEEDING OFFICIAL POWERS

Annotation. *The article examines the relationship between criminal-law rules on inflicting harm while detaining an offender and police liability for exceeding official powers. Articles 38, 108, 114 and 286 of the Russian Criminal Code, the Police Act and current Supreme Court guidance are analyzed. The author distinguishes three situations: lawful infliction of harm; excessive detention measures while preserving the special purpose of detention; and violence used outside a lawful detention purpose, which may constitute an official crime. A functional-purpose qualification test is proposed to determine whether the special offences under Articles 108 and 114 or Article 286 should apply.*

Key words: *detention, harm, police officer, Article 38 of the Criminal Code, excessive detention measures, exceeding official powers, physical force, special means, criminal-law qualification.*

For citation: *Kiseleva A. V., Movsisyan A. G., Nagorny A. P. Inflicting harm when detaining a person who committed a crime: distinguishing lawful police actions from exceeding official powers. Law and administration. 2026;(10):319–325. (In Russ.).*

Во все времена задержание лица, совершившего преступление, относилось к числу ситуаций, в которых государство допускает причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам ради достижения общественно полезной цели. Но именно для сотрудника полиции эта проблема имеет двойственную правовую природу, поскольку с одной стороны, он действует как лицо, на которое возложена публичная обязанность по пресечению преступлений и задержанию правонарушителей, а с другой причиненный им физический вред оценивается по общим институтам уголовного права и сложность возникает тогда, когда применение силы формально связано с задержанием, но по интенсивности, моменту либо цели выходит за его пределы. В связи с чем в правоприменении необходимо разграничить правомерное причинение вреда по ст. 38 УК РФ, превышение мер, необходимых для задержания, и превышение должностных полномочий по ст. 286 УК РФ.

Рассмотрим статью 38 УК РФ, которая закрепляет два взаимосвязанных условия правомерности, когда вред причиняется именно лицу, совершившему преступление, для доставления его органам власти и пресечения возможности совершения новых преступлений, если иными средствами задержать это лицо невозможно, но при этом не допускается превышение необходимых мер. Превышением, в этом контексте, закон признает явное несоответствие мер характеру и степени общественной опасности совершенного преступления и обстоятельствам задержания, когда без необходимости причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Уже из конструкции нормы видно, что оценка не может основываться только на тяжести наступившего последствия, тут требуется восстановить реальную обстановку и определить, какие средства фактически были доступны сотруднику. В этом плане Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 сентября 2012 г. № 19, действующем в редакции от 9 декабря 2025 г., специально подчеркивает необходимость выяснять невозможность задержания иными средствами и учитывать место, время, численность участников, физическое развитие, вооруженность, сведения об агрессивном поведении и принадлежности задерживаемых к опасным группам. Такие разъяснения, несомненно, формируют ситуационный стандарт оценки, а не абстрактный критерий «равенства» примененной

силы и вреда, не требуется, чтобы сотрудник выбирал математически минимальное воздействие, необходимо, чтобы избранная мера не была явно чрезмерной в конкретной обстановке.

В то же время действия сотрудника полиции дополнительно регулируются Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», статьи 18–23 которого определяют основания и порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, где отражено, что физическая сила может использоваться для пресечения преступлений и административных правонарушений, доставления и задержания лиц, а также преодоления противодействия законным требованиям, если несиловые способы не обеспечивают выполнение обязанностей полиции. При этом до применения силы сотрудник по общему правилу должен обозначить свой статус, предупредить о намерении применить принуждение и предоставить время для выполнения требования, но предупреждение не требуется, когда промедление создает непосредственную угрозу жизни и здоровью либо может повлечь иные тяжкие последствия.

И тут как вывод, сопоставление уголовного закона и специального полицейского законодательства порождает вопрос о юридическом значении нарушения установленного порядка. В этом планет Верховный Суд занимает принципиально важную позицию, когда сотрудники правоохранительных органов не несут уголовной ответственности за вред, причиненный в соответствии с нормативными основаниями и порядком применения силы, вместе с тем не всякое процедурное отступление автоматически образует преступление. К примеру, если промедление создавало непосредственную опасность жизни людей или могло повлечь иные тяжкие последствия, причинение вреда не признается преступным лишь потому, что сотрудник объективно не выполнил отдельную формальную процедуру, что в свою очередь, препятствует формальному отождествлению дисциплинарного или административно-правового нарушения с уголовно наказуемым превышением.

В научной литературе неоднократно отмечается коллизионность взаимодействия ст. 38 УК РФ и отраслевого законодательства. И. С. Сторожихин обращает внимание на сложность нормативного регулирования причинения вреда сотрудниками полиции при задержании и необходимость согласованного толкования норм уголовного и специального законодательства [1, с. 56–59]. А. В. Курсаев, анализируя судебную практику, показывает, что граница правомерного и уголовно наказуемого применения силы определяется не только формальным соблюдением полицейских правил, но и уголовно-правовой природой ситуации [2, с. 349–361]. Аналогичная проблема проявляется в исследованиях превышения полномочий при применении силы и оружия [3, с. 210–213].

По нашему мнению, для квалификации принципиален момент перехода от задержания к наказанию или иному неправомерному воздействию. А именно, пока сотрудник причиняет вред, стремясь пресечь сопротивление, лишить лицо возможности скрыться и доставить его в орган власти, сохраняется специальная задержательная цель, если же необходимая мера превышена, но эта цель продолжает определять поведение, при причинении смерти либо тяжкого или средней тяжести вреда здоровью применяются специальные составы ст. 108 или 114 УК РФ. Пленум Верховного Суда прямо распространяет положения ст. 37 и 38 УК РФ на сотрудников правоохранительных органов и указывает, что при превышении ими пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания, умышленное причинение соответствующего вреда квалифицируется по ст. 108 или 114 УК РФ. Иная же ситуация возникает после фактического прекращения сопротивления или утраты задержательной необходимости, к примеру, если лицо обездвижено, находится под контролем сотрудников, не пытается скрыться и не представляет опасности, последующее насилие уже не служит целям ст. 38 УК РФ, поскольку удары «за неповиновение», причинение боли с целью наказать, получить признание, запугать или унизить не являются превышением мер задержания в собственном смысле, так как отсутствует сама правомерная цель, относительно которой можно измерять превышение. При наличии же признаков должностного состава такие действия способны квалифицироваться по ст. 286 УК РФ, включая квалифицирующие признаки применения насилия, оружия или специальных средств. Поэтому внешнее обстоятельство «насилие применено во время задержания» не является достаточным основанием для выбора ст. 108 или 114 УК РФ, необходимо установить функциональную связь конкретного эпизода насилия с задачей задержания, поскольку одно и то же физическое действие в зависимости от момента и цели может иметь различную уголовно-правовую природу. К примеру, удар при активном сопротивлении, направленный на освобождение рук сотрудника и надевание наручников, оценивается иначе, чем удар уже связанному задержанному после прекращения сопротивления. Так, в первом случае предметом анализа является необходимость и соразмерность задержательной меры, а во втором наличие полномочия на причинение такого вреда вообще.

Статья 286 УК РФ предусматривает ответственность за действия должностного лица, явно выходящие за пределы его полномочий и повлек-

шие существенное нарушение прав и законных интересов граждан, организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. Квалифицированный же состав охватывает, в частности, применение насилия, оружия или специальных средств. И термин «явно выходящие» требует доказательства очевидности отсутствия полномочия для самого сотрудника, что особенно важно в динамичной ситуации задержания, где решение принимается за секунды, поскольку ошибка в оценке степени сопротивления не должна автоматически отождествляться с заведомым выходом за пределы полномочий. В связи с чем, нам предлагается логичным различать количественное и качественное превышение, так количественное превышение имеет место, когда сотрудник вправе применить принуждение для задержания, но избирает явно чрезмерную интенсивность, продолжительность или вид воздействия и при сохранении задержательной цели такая ситуация тяготеет к специальным нормам о превышении мер, необходимых для задержания. Качественное же превышение возникает, когда примененное насилие не может быть объяснено целью доставления лица органам власти или пресечения новых преступлений, к примеру, используется как наказание, месть, средство получения признания или демонстрации власти. И вот здесь правомерная основа исчезает, а уголовно-правовая оценка переносится в сферу должностных преступлений и преступлений против личности.

Дополнительное значение имеет разграничение ст. 38 и 37 УК РФ. Если в процессе задержания лицо совершает новое общественно опасное посягательство, особенно сопряженное с опасным для жизни насилием либо непосредственной угрозой такого насилия, причинение ему вреда оценивается уже по правилам необходимой обороны. Следовательно, мы видим, что правовая квалификация может динамически изменяться в пределах одного эпизода, когда до нападения сотрудник действует в режиме задержания, в момент нападения в состоянии необходимой обороны, а после нейтрализации угрозы и продолжения задержания вновь в рамках ст. 38 УК РФ. И такое обстоятельство, по нашему мнению, требует покадровой, а не усредненной оценки событий, так как вопрос о правомерности тесно связан с контролем за соблюдением прав человека. В этом контексте В. В. Шанько совместно с И. А. Ряпухиной и В. А. Сопигой рассматривает контроль и надзор за соблюдением прав человека в административной деятельности полиции [5, с. 359–363]. Для рассматриваемой нами темы причинения вреда этот подход важен как методологический ориентир, поскольку внешняя проверка не должна исходить из презумпции неправомерности применения силы, она обязана проверять наличие законного основания, цель, последовательность действий и соблюдение гарантий личности, так как правомерное государственное принуждение отличается от произвола именно контролируемостью оснований и процедур.

В это связи в практическом плане нами предлагается функционально-целевой тест из шести вопросов: имелись ли достоверные основания считать лицо совершившим преступление, существовала ли реальная необходимость его задержания и невозможность достижения цели менее интенсивными средствами, какое конкретное сопротивление, попытка бегства или опасность определяли выбор меры, была ли сила направлена на прекращение сопротивления и обеспечение доставления либо преследовала самостоятельную карательную цель, прекратилось ли применение силы после достижения контроля и, наконец, каков характер умысла сотрудника в отношении причиненного вреда и осознавал ли он явную чрезмерность воздействия?

Мы видим, что первый вопрос связан с адресатом задержания, пленум Верховного Суда указывает, что сотрудник должен быть уверен в причинении вреда именно лицу, совершившему преступление. Добросовестная фактическая ошибка при наличии объективных оснований может оцениваться по правилам ст. 38 УК РФ, тогда как виновная ошибка способна повлечь ответственность за неосторожное преступление. Такое правило, по нашему мнению, особенно важно в ситуациях преследования по ориентировке, задержания группы лиц или динамичного обнаружения предполагаемого преступника.

Второй и третий вопросы позволяют оценить необходимость, поскольку сам факт совершения тяжкого преступления не дает права причинять любой вред, значение имеют попытка скрыться, вооруженность, агрессивность, численное соотношение, наличие транспорта, возможность привлечения подкрепления и иные обстоятельства. Вместе с тем ретроспективная оценка не должна подменять реальное восприятие сотрудника идеальной моделью поведения после того, как исход ситуации уже известен, критерий должен учитывать информацию, доступную сотруднику в момент решения, а не сведения, полученные позднее.

Четвертый и пятый вопросы раскрывают главное разграничение ст. 114 и 286 УК РФ, когда сотрудник применяет избыточную силу именно для преодоления сопротивления или предотвращения бегства, речь идет о превышении меры задержания. Если же после прекращения сопротивления он продолжает воздействие по мотивам мести, наказания или принуждения к признанию, функциональная связь с задержанием разрывается, тут нельзя прикрывать должностное

насилие привилегированным составом, предназначенным для иной ситуации. Напротив, необоснованное применение ст. 286 к каждому эпизоду чрезмерного вреда при реальном задержании игнорировало бы прямые указания Пленума о применении ст. 108 и 114 к сотрудникам правоохранительных органов.

Шестой вопрос относится к субъективной стороне, так как превышение мер по ст. 38 влечет уголовную ответственность только при умышленном причинении вреда. Причинение же легкого вреда или побоев при превышении задержательных мер, согласно разъяснениям Пленума, не образует специального состава, предусмотренного ч. 2 ст. 114 УК РФ, что, однако, в свою очередь, не означает абсолютной безнаказанности любого поведения, к примеру, если насилие совершено вне задержательной цели, необходимо оценивать возможность применения общих норм, в том числе, должностных, а при неосторожном причинении вреда соответствующих составов при наличии их признаков.

Немаловажное значение, по нашему мнению, имеет и оценка применения специальных средств, которые по своей природе предназначены для ограничения сопротивления и снижения риска более тяжкого вреда, хотя правомерность их применения определяется не самим фактом их нахождения на вооружении полиции, а соответствием основанию и обстановке. Многократное же применение специального средства после прекращения сопротивления способно указывать на изменение цели, но в тоже время более интенсивное воздействие в отношении вооруженного, физически сильного или действующего в группе лица может быть оправдано обстоятельствами задержания. Несомненно, необходимо учитывать и поведение самого задерживаемого, поскольку сопротивление законному требованию, попытка завладеть оружием сотрудника, внезапное извлечение предмета, похожего на оружие, или попытка использовать транспортное средство для прорыва оцепления существенно изменяют допустимый объем принуждения. При этом последующее выяснение, что предмет был безопасным, не исключает правомерности, если сотрудник добросовестно воспринимал угрозу как реальную, хотя ссылка на субъективный страх не может заменить объективную проверку обстановки, вывод должен основываться на совокупности наблюдаемых признаков.

Для предупреждения же квалификационных ошибок требуется качественная фиксация обстоятельств применения силы, нагрудные видеорегистраторы, записи камер наблюдения, радиопереговоры, медицинские документы, рапорты и показания независимых свидетелей позволяют установить момент начала и прекращения сопротивления, последовательность требований и предупреждений, количество воздействий и поведение сотрудника после установления контроля. То есть, цифровая фиксация должна рассматриваться не как инструмент обвинения сотрудника, а как средство объективной защиты всех участников и проверки правомерности.

Еще одной существенной проблемой, на которой мы хотели бы остановиться, остается языковая неопределенность категорий «явное несоответствие», «явно чрезмерный вред» и «невозможность задержать иными средствами», так как полная формализация здесь невозможна, поскольку уголовный закон должен учитывать бесконечное разнообразие ситуаций и судебные разъяснения могут предложить последовательную модель анализа. Целесообразно дополнительно подчеркнуть, что превышение должностных полномочий и превышение мер задержания разграничиваются прежде всего по цели и функциональной связи насилия с задержанием, а не по тяжести вреда как таковой.

Мы считаем, что необходимо закрепить в разъяснениях Верховного Суда следующее правило, если сотрудник правоохранительного органа имел законное основание для задержания и причинял вред в целях доставления лица органам власти либо пресечения возможности совершения новых преступлений, но умышленно допустил явное несоответствие избранной меры обстоятельствам задержания, причинение смерти, тяжкого или средней тяжести вреда при наличии иных признаков квалифицируется по ст. 108 или 114 УК РФ, если же насилие по своему содержанию и цели не направлено на задержание либо применяется после прекращения такой необходимости как наказание, месть, средство получения сведений или иное явно не входящее в полномочия воздействие, вопрос решается по ст. 286 УК РФ и иным применимым нормам.

Таким образом, мы видим, что разграничение правомерных действий сотрудника полиции, превышения мер задержания и превышения должностных полномочий должно строиться на сочетании объективного и субъективного критериев, когда правомерность определяется наличием законной цели, необходимостью причинения вреда и отсутствием явной чрезмерности. При этом специальные ст. 108 и 114 УК РФ применимы тогда, когда задержательная цель сохраняется, но мера умышленно превышена, а статья 286 УК РФ выходит на первый план при качественном выходе за пределы полномочий, когда причинение вреда утрачивает функциональную связь с задержанием. Такая модель, по нашему мнению, обеспечивает одновременно защиту прав граждан и необходимую правовую определенность для сотрудника полиции, вынужденного прини-

мать решения в условиях дефицита времени и повышенного риска.

В то же время при разрешении вопроса о квалификации необходимо учитывать и природу первоначального основания задержания. К примеру, статья 38 УК РФ ориентирована на лицо, совершившее преступление, но если сотрудник причиняет значительный вред при пресечении административного правонарушения либо при доставлении лица, в отношении которого отсутствуют достаточные данные о совершении преступления, механическое обращение к институту причинения вреда при задержании неправомерно. В таких случаях правовое основание принуждения определяется прежде всего Федеральным законом «О полиции» и законодательством об административных правонарушениях, а уголовно-правовая оценка вреда требует проверки иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, тем самым юридическая природа исходной ситуации выступает самостоятельным элементом квалификации.

Отдельной проблемой, несомненно, является ретроспективная переоценка решений сотрудника, когда после завершения инцидента следствие и суд располагают видеозаписями, заключениями экспертов, точными сведениями о вооруженности и состоянии задерживаемого, тогда как сотрудник принимал решение в условиях дефицита времени и неполной информации. Правовая оценка должна учитывать объективно доступные ему в конкретный момент сведения, что не означает освобождения от обязанности действовать профессионально, но исключает использование стандарта «идеального наблюдателя», которому заранее известен исход событий. Критерий разумного восприятия обстановки здесь особенно значим при внезапном сопротивлении, угрозе применения оружия, попытке скрыться на транспортном средстве и задержании нескольких лиц.

Нам представляется также необходимым разделять нарушение порядка применения силы и преступность причиненного вреда, поскольку непредставление сотрудника, отсутствие предупреждения, несвоевременное оформление рапорта или иное процедурное нарушение может повлечь дисциплинарные последствия и иметь доказательственное значение, однако уголовная ответственность возникает не из самого факта отступления от процедуры, а при наличии всех признаков конкретного состава преступления. И обратное в этом плане означало бы подмену уголовно-правовой оценки административной, хотя в тоже время систематическое игнорирование гарантий, особенно продолжение воздействия после прекращения сопротивления, способно подтверждать умысел и отсутствие правомерной цели.

Для практики же органов внутренних дел было бы целесообразно закрепить в ведомственных учебных программах единый алгоритм правовой самооценки действий после применения силы: какое преступление являлось основанием задержания, какое конкретное поведение лица требовало принуждения, почему менее интенсивная мера была недостаточна, в какой момент сопротивление прекратилось, какие действия были предприняты после установления контроля, зафиксированы ли телесные повреждения и оказана ли медицинская помощь. Такой алгоритм конечно не заменяет последующую процессуальную проверку, но повышает качество первоначального документирования и снижает риск как необоснованного обвинения сотрудника, так и сокрытия неправомерного насилия.

Список литературы:

[1] Сторожихин И. С. Анализ нормативно-правового регулирования причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, в результате применения физической силы, специальных средств и оружия сотрудниками полиции // Российский следователь. 2023. № 5. С. 56–59. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-5-56-59..

[2] Курсаев А. В. Грани правомерного и уголовно-наказуемого применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (по материалам судебной практики) // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 3. С. 349–361. DOI: 10.20310/2587-9340-2022-6-3-349-361..

[3] Барышников М. В., Вайсергисер Е. Ю. Превышение должностных полномочий сотрудниками полиции при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 210–213. DOI: 10.24412/2312-0444-2025-2-210-213..

[4] Егорова Н. А., Егоров А. Г. Необходимая оборона в деятельности сотрудников полиции: вопросы уголовно-правовой оценки // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 21–32.

[5] Шанько В. В., Ряпухина И. А., Сопига В. А., Контроль и надзор за соблюдением прав человека в административной деятельности полиции // Право и управление. 2026. № 2. С. 359–363.

[6] Бурчикаускас В. А. Порядок, условия и основания применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции: проблемы правового регулирования и уголовно-правовой оценки последствий его применения // Научный портал МВД России. 2023. № 3 (63). С. 39–47.

[7] Костенников М. В., Куракин А. В. Правовое регулирование применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции // Ад-

министративное право и процесс. 2024. № 11. С. 43–50. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-11-43-50..

References:

[1] Storozhikhin I. S. Analysis of the regulatory framework for causing harm during the arrest of a person who has committed a crime as a result of the use of physical force, special means and weapons by police officers // Russian investigator. 2023. № 5. S. 56-59. DOI: 10.18572/1812-3783-2023-5-56-59..

[2] Kursaev A. V. The facets of the lawful and criminal use by police officers of physical force, special means and firearms (based on judicial practice) // Current problems of the state and law. 2022. T. 6. № 3. S. 349-361. DOI: 10.20310/2587-9340-2022-6-3-349-361..

[3] Baryshnikov M.V., Weisergiser E. Yu. Abuse of office by police officers when using physical force, special means and firearms // Public Service and Personnel. 2025. № 2. S. 210-213. DOI: 10.24412/2312-0444-2025-2-210-213..

[4] Egorova N. A., Egorov A. G. Necessary defense in the activities of police officers: issues of criminal law assessment // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (49). S. 21-32.

[5] Shanko V.V., Ryapukhina I.A., Sopiga V.A., Control and supervision of human rights in the administrative activities of the police // Law and management. 2026. № 2. S. 359-363.

[6] Burchikauskas V. A. Procedure, conditions and grounds for the use of firearms by police officers: problems of legal regulation and criminal law assessment of the consequences of its use // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (63). S. 39-47.

[7] Kostennikov M.V., Kurakin A.V. Legal regulation of the use of firearms by police officers // Administrative law and process. 2024. № 11. S. 43-50. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-11-43-50..

